

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1975.2.04>

В. КАБУЗАН, Р. ПУЛЛАТ

ОБЗОР СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ * О ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XX в. (1719—1917 гг.)

Вопросы численности и состава населения городов России и в том числе Прибалтики в XVIII — начале XX в. еще недостаточно изучены, несмотря на наличие в архивах и рукописных отделах библиотек полных и компактных материалов. Население городов в течение этого периода регистрировалось: 1) ревизиями (приписное население), 2) полицейскими исчислениями (наличное и частичное постоянное население) и 3) церковными исчислениями¹, 4) демографическими переписями. Как правило, для отдельных периодов один из видов учета был основным, остальные дополняли, уточняли или заменяли его.

В XVIII в. население городов регистрировалось исключительно ревизским и церковным путем, так как административно-полицейский учет в стране организован в начале XIX в., а первая демографическая перепись в России проведена в 1897 г. Таким образом, в XVIII в. население городов можно было определить на основании материалов ревизий и церковных исчислений. В XIX в. на смену ревизиям пришел административно-полицейский учет и лишь в конце XIX в. в России начали проводиться переписи населения. Однако и в XIX — начале XX в. церковный учет сохранял свое значение.

Ревизские данные о численности и составе населения городов нельзя считать полными, так как они не охватывали а) часть неподатных категорий населения (дворяне, иностранцы, приказнослужители, регулярная армия) и б) временно проживавшие в городах группы населения, зарегистрированные ревизиями в сельской местности (главным образом, крестьяне и дворовые). Частично эти категории уже в XVIII в. учитывались различными ведомствами (Военной коллегией, Герольдмейстерской канторой и т. д.).

Материалы церковного учета (клировые ведомости) в XVIII в., как правило, не содержали данных о численности всех категорий населения, так как некоторые из них объединялись без достаточного основания в более крупные (все крестьянство, например, в рубрику «поселян», дворянство учитывалось вместе с однодворцами, нищими и разночинцами). Лишь за середину XIX в. мы располагаем полными сведениями такого учета о численности всех сословий России. Этот недостаток, к сожалению, свойствен и административно-полицейскому учету.

I—V ревизии (1719—1795 гг.) содержат подробные поуездные материалы о численности и составе населения городов. Кроме городских податных сословий (купечества, а с 1775 г. и мещанства), здесь учтены однодворцы, крестьяне, «имеющие свои дома в градской меже», дворовые люди при «домах своих господ», работные люди и т. д. IV и V

* Хранятся в госархивах Москвы и Ленинграда.

¹ До 30-х годов XIX в. церковный учет регистрировал только православное население и лютеран Прибалтики, с середины 30-х годов — и всех других вероисповеданий; о ревизиях в Эстляндии и Лифляндии см. S. Vahtre, Hingede revisjonide andmete kasutamisest ajalooallikana. «Известия АН ЭССР. Общественные науки», 1964, № 2, стр. 149—154; S. Vahtre, Eestimaa talurahvas hingeloenduste andmeid (1782—1858). Tallinn, 1973.

ревизии, сверх того, приводят данные о численности живущих в городах священников, отставных «воинских чинов» и некоторых других неподатных групп населения. Значительная часть его уже порвала с земледелием и может быть с полным основанием причислена к городскому населению. Однако немало крестьян и особенно однодворцев южных губерний (а в украинских губерниях так наз. воинских обывателей), хотя и жили в «градской меже», занимались исключительно земледелием и по роду занятий в строгом смысле слова не могут быть отнесены к горожанам. К сожалению, ревизии почти не сообщают сведений о роде занятий учтенного ими населения. Для этого необходимы дополнительные источники: описания губерний и уездов, материалы Генерального межевания и т. д. Однако даже сведения о численности всего городского населения независимо от его занятий представляют немалый интерес для исторической науки. Жившие в пределах городов «сельские жители» имели несоизмеримо больше возможностей в условиях феодальной царской России приобщиться к городской жизни и порвать с земледелием, чем население сельской местности, на пути которого в города было множество препятствий (запрещение заниматься торговлей и промыслами, двойные подати по сельскому и городскому состоянию вплоть до следующей ревизии и т. д.). Однако в период административной реформы 1775—1785 гг. часть сельского населения в поселениях, превращенных в города, была насильственно переведена в состав городских податных сословий.

По XIX — началу XX в. в распоряжении историков имеются а) ревизские материалы VI—X ревизий о численности и составе городских податных сословий (купечества и мещанства); б) административно-полицейские материалы о численности и частично составе горожан (главным образом без сельских жителей и населения пригородов); в) церковные данные середины XIX в. о численности всех категорий населения, проживавших «в градской меже»; г) материалы переписей 1897, 1916 и 1917 гг. о численности и частично составе населения городов и пригородов независимо от рода их занятий; характеристика этих материалов приводится ниже.

1. Историография вопроса

Большинство дореволюционных и советских историков и статистиков, обращаясь к изучению городов России, акцентировали внимание на т. н. городских податных сословиях, не связанных с земледелием, хотя они всегда составляли не более половины населения городов.

В исследованиях, посвященных только городским податным сословиям, много неточностей и недочетов. Если не учитывать работы информационного характера, не содержащие критического анализа сведений о движении и составе городского податного населения, останется сравнительно немного исследований, вносящих новое в разработку этого вопроса.

В первую очередь следует назвать большой труд буржуазного историка А. А. Кизеветтера,² где сообщаются уточненные ревизские данные о численности посадского населения России без Малороссии и Прибалтики: I ревизия — 182 627, II — 212 284 и III — 228 365 душ мужского пола (= м. п.).³ К сожалению, сведения А. А. Кизеветтера касаются не всей территории России и не достаточно полны, так как он не учел часть душ по I и III ревизиям. Если бы А. А. Кизеветтер принял во внимание указанные соображения, он получил бы следующие цифры: по I ревизии — 247 246, по II — 282 669 и по III — 294 584.⁴

В 1904 г. буржуазный историк П. Н. Милюков опубликовал работу, в которой в общих чертах прослеживается динамика движения городского податного населения России в XVII—XIX вв.⁵ Он привлек материалы подворной переписи 1630 г., I, IV,

² А. А. Кизеветтер, Посадская община в России в XVIII столетии. М., 1903.

³ Там же, стр. 88, 99—100, 113.

⁴ ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1163, л. 1007—1017; ГПБ, ф. 889, оп. 1, д. 242, л. 1—51; ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 775/4342, л. 704—1025.

⁵ П. Н. Милюков, Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904, стр. 82.

V, VI, VIII и IX ревизий, полицейского учета 1878 г. и Всероссийской переписи 1897 г. К сожалению, П. Н. Милюков некритически использовал данные ревизий. По I ревизии он взял весьма неполные цифры о городском податном населении на основной территории России без Левобережной Украины и Прибалтики (164 тыс. душ м. п. и 328 тыс. душ обоего пола = об. п.). Занижены его сведения и по остальным ревизиям. Однако указанные недочеты обнаруживаются лишь в процессе анализа архивных ревизских материалов и цифр П. Н. Милюкова. Неверные цифровые данные привели автора к необоснованному выводу о более быстрых темпах роста городского податного населения, чем это было в действительности.

В советское время историей городского населения России много занимается П. Г. Рындзюнский. В 1958 г. им опубликовано большое исследование⁶, а в 1959 г. статья.⁷ В этих работах автор изучает становление капиталистического города в конце XVIII — первой половине XIX в. и обосновывает положение об общих закономерностях развития городов России и Западной Европы. Он обстоятельно анализирует правительственную политику в отношении городов и их населения и этапы формирования рабочего населения городов. Однако сведения П. Г. Рындзюнского о численности и составе населения городов отличаются неполнотой. Предметом изучения его по существу служит лишь городское податное население, причем особенно подробно рассматриваются различные возможности для сельского населения войти в эти категории. Другие категории населения городов (дворянство, духовенство, дворовые люди, чиновничество, разночинцы, ямщики и различные группы крестьянства) почти не рассматриваются П. Г. Рындзюнским, хотя он полагает, что представители их — городские жители и поэтому имеют право на внимание изучающих историю городов. П. Г. Рындзюнский указывает в этой связи, что ему не удалось обнаружить в архивах материалов о численности и составе всего городского населения. Он отмечает, что в свое время экспедиция освидетельствования государственных счетов Сената не смогла выполнить задание Г. А. Потемкина и указать общее число жителей городов по ревизии⁸; она сообщила только сведения о численности купцов и мещан. Из этого можно сделать неверный вывод о том, что в XVIII в. вообще не собирались данные о численности и составе населения городов. В действительности же Г. А. Потемкин просто обратился не по адресу. В 60—90-е годы XVIII в. материалы о численности и составе охваченных ревизиями категорий населения городов имелись в Ревизионной экспедиции Сената, с документами которой П. Г. Рындзюнский не был знаком.

При анализе данных о движении городского податного населения П. Г. Рындзюнский допускает неточность: он не принимает во внимание то обстоятельство, что ревизские результаты постоянно пополнялись за счет прописных и беглых, поэтому его сведения о движении городского податного населения несколько занижены. За первую четверть XIX в. он сообщает данные о численности купцов и мещан по состоянию на 1800, 1808, 1816 и 1824 гг. Однако если с 1800 по 1808 г. было обнаружено немного прописных, то с 1816 по 1824 г. учтено 269 442 души м. п. прописных купцов и мещан⁹, которые необходимо отнести к 1816 г., когда производилась VII ревизия. П. Г. Рындзюнский отмечает обнаружение большого числа прописных душ лишь за вторую четверть XIX в., однако остается неясным, как они учтены в его ведомостях 1824—1854 гг.

Р. Н. Пуллатом написана монография¹⁰, где подробно анализируются основные направления развития городов и городского населения Эстонии с конца XVIII в. по 1917 г., дан обзор экономических и административных сдвигов в развитии городов Эстонии, рассматриваются проблемы расширения городских территорий и расселения, демографические и социальные процессы.

⁶ П. Г. Рындзюнский, *Городское гражданство дореформенной России*. М., 1958.

⁷ П. Г. Рындзюнский, *Городское население*. В кн.: *Очерки экономической истории первой половины XIX века*. М., 1959, стр. 276—358.

⁸ Там же, стр. 283.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 18.

¹⁰ R. Pullat, *Eesti linnad ja linlased XVIII sajandi lõpust 1917. aastani*. Tallinn, 1972.

Первые попытки учесть все население городов России относятся к концу XVIII в.

Так, в 1790 г. известный статистик и географ И. Ф. Герман опубликовал работу, в первой главе которой «Положение, границы, величина и население, административное деление России»¹¹ приводится примерная цифра численности населения городов России в 1788 г. В 72 городах, по сведениям И. Ф. Германа, проживало 1219 тыс. жителей. Для прочих 488 городов он предположительно принимает как среднее население в 3 тыс. человек. В результате получается, что в городах страны проживало 2683 тыс. человек об. п., а по уточненным данным — около 3 млн. человек, или 10% всего населения России. Ненаучность и приблизительность такого метода очевидны.

Этот недостаток подметили уже современники И. Ф. Германа. Ревизские материалы Эстляндии и Лифляндии впервые критически оценил А. В. Гупель, с большим интересом следивший за ходом IV подушной ревизии в прибалтийских губерниях. Им составлен краткий, но содержательный обзор о проведении ревизии, сделана попытка определить количество людей, не учтенных ею, установить общую численность населения и т. д. А. В. Гупель отмечал, например, что данные И. Ф. Германа сильно преувеличены.¹²

Заслуга И. Ф. Германа в том, что он первым в истории русской демографии поставил вопрос о необходимости учета всего населения городов, а не одних только податных сословий. Правда, учитывая все население городов, он не различал собственно сельских и городских жителей, ничего не говорил о земледельческих пригородах, так что остается неясным, принимал ли он их во внимание.

Почти одновременно с работой И. Ф. Германа было опубликовано исследование известного статистика конца XVIII — начала XIX в. А. К. Шторха, в котором сообщались примерные цифры населения городов России в 80-х годах XVIII в.¹³ Здесь приведены сведения о населении 610 городов. Однако данные ревизии использованы в 293 случаях, а в остальных 317 А. К. Шторх был вынужден воспользоваться материалами весьма условных исчислений: он исходил из сведений о числе домов в городах. Кроме ревизского населения, автор приводит примерные цифры неохваченного переписью населения (дворянства, чиновничества и др.). Всего, по данным А. К. Шторха, в городах проживало около 3500 тыс. душ об. п., или $\frac{1}{9}$ всего населения, причем численность охваченного ревизией населения равнялась 2 279 412 человек об. п. Сюда включено около 180 тыс. человек об. п., проживавших в городах, присоединенных к России после IV ревизии (Крым, Очаковские степи, Правобережная Украина и Центральная Белоруссия). Таким образом в городах, охваченных IV ревизией, по А. К. Шторху, проживало 2100 тыс. человек об. п., т. е. численность охваченного ревизией городского населения определена им неверно. Итоговое количество всего населения он принял за только ревизское население, пытался пополнить его и получил сильно завышенные цифры общего городского населения. В самом деле, охваченное IV ревизией население Москвы составляет у А. К. Шторха 350 000 человек об. п., а Петербурга — 220 000, в то время как на самом деле оно равнялось в Москве 18 216¹⁴, а в Петербурге 11 348 душам м. п.¹⁵ Если учесть эту поправку, то следует признать, что А. К. Шторх приводит сравнительно полные данные о населении городов (у А. К. Шторха — 2100 тыс., у нас — 2210 тыс. человек об. п.).

В 1811 г. в России было осуществлено первое административно-полицейское исчисление населения русских городов, материалы которого широко использованы в исследовании выдающегося статистика, начальника статистического отделения Министерства

¹¹ I. F. German, *Statistische Schilderung von Rußland*. St. Peterburg, 1790, стр. 1—38.

¹² A. W. Hupel, *Versuch die Staatsverfassung des Russischen Reiche darzustellen*. Zweiter Theil. Riga, 1793, стр. 234—237.

¹³ A. K. Storch, *Statistische Uebersicht der Statthalterschaften des Russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen in Tabellen*. Riga, 1795, стр. 118—123.

¹⁴ ГПБ, Отдел рукописей, ф. 885, д. 367, л. 25.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 4859, л. 56—121.

внутренних дел (= МВД) К. Ф. Германа¹⁶, где приводятся сведения не только о численности, но и о сословном составе значительной части населения городов. Особо выделены у К. Ф. Германа купцы, мещане, дворяне, духовенство, военнoслужашие и чиновничество. Однако различные категории крестьянства объединены в одну группу с иностранцами, гражданскими служителями и т. д. Таким образом, крестьянство, жившее в городах и пригородах, как и в XVIII в., значится еще в составе населения города.

В фонде Центрального статистического комитета МВД (ЦГИА СССР) удалось обнаружить материалы за 1811 г. по 9 губерниям России: Херсонской, Екатеринославской, Полтавской, Иркутской, Астраханской, Кавказской, Войску Донскому, Тобольской и Томской¹⁷ (примерно $\frac{1}{5}$ всех губерний страны того периода). По ряду губерний сведения сообщаются с такой же подробностью, как и у К. Ф. Германа, однако по 5 губерниям содержатся полные данные о всех категориях населения, проживавшего в городах (по Астраханской, Иркутской, Полтавской, Екатеринославской губерниям и Земле Войска Донского).

Начиная с 1825 г.¹⁸ административно-полицейские данные о численности населения городов России регулярно публиковались и доступны исследователям. Видимо, по этой причине историки и статистики XIX — первой половины XX в. опираются на цифры К. Ф. Германа и анализ материалов о городском населении, как правило, начинают с 1811 г., хотя полицейский учет XIX в. не содержит полных сведений о сословном составе населения городов (лишь в некоторых публикациях выделены купечество, мещанство, дворянство, духовенство и учащиеся).

В этой связи нельзя не остановиться на монографии советского ученого А. Г. Рашина¹⁹, в которой широко использованы административно-полицейские материалы XIX в. Автор не привлёк материалы ревизского и церковного учета населения, а цифры полицейского учета взял без критического анализа.

Как дореволюционные, так и советские ученые, определяя численность и состав населения городов, не указывают, какие категории населения рассматриваются ими. Не отмечается также, куда отнесено население пригородов (например, всевозможных слобод). Это приводит к большой путанице, сопоставлению несопоставимых данных и т. д.

По нашему мнению, исследователи, изучающие историю русского города и использующие данные о населении, должны четко различать и отмечать, 1) какие категории населения рассматриваются ими в составе населения городов: все жители, имеющие «в градской меже свое дома», или только городские податные сословия, т. е. купечество и мещанство, не связанные с земледелием; 2) куда они относят население пригородов: к городам, сельской местности или же рассматривают особо.

Сохранившиеся в наших архивах источники позволяют отделить города от пригородов и рассматривать особо все категории населения, проживавшие в городах.

II. Обзор ревизских и церковных материалов XVIII — первой половины XIX в.

Рассмотрим подробнее материалы о численности и составе населения городов России XVIII — начала XX в. — как опубликованные, так и хранящиеся в архивах и рукописных отделах библиотек Москвы и Ленинграда и попытаемся определить, с какой степенью полноты они учитывают это население. Для наименее изученного периода 20—90-х годов XVIII в. попытаемся также определить численность и сословный состав всего населения городов (включая и городские податные сословия) в пределах «градской межи».

¹⁶ К. Ф. Герман, Статистические исследования относительно Российской империи, ч. I. О народонаселении. СПб., 1819, стр. 303—384.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. I, д. 1.

¹⁸ См. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб., 1829.

¹⁹ А. Г. Рашин, Население России за 100 лет (1811—1913). Статистические очерки. М., 1956.

По I ревизии (1719 г.) историко-статистическая наука располагает компактными и едва ли не наиболее полными общероссийскими сведениями о численности и сословном составе податного населения по городам и всем прочим поселениям, составленными в 1737—1738 гг. Лишь по некоторым окраинам (Малороссия, Прибалтика, Ингерманландия) имеющиеся данные составлены в начале 30-х годов XVIII в. Сведения эти собирались специально для Кабинета Анны Ивановны местными воеводскими и провинциальными канцеляриями, а посланные на места офицеры проверяли их достоверность и доставляли в центр. В специально составленной инструкции объяснялся порядок сбора необходимых материалов. Предписывалось «взять из переписных книг краткую ведомость, сколько в той провинции купечества, дворцовых, синодальных, архиерейских и монастырских, тако же и помещиковых крестьян со означением деревень и помещиков.»²⁰ В ходе выполнения инструкции с мест было получено много кратких ведомостей, охватывавших почти всю территорию России. Все они сброшюрованы в 5 объемистых дел.²¹ По окраинам (Малороссия, Слободская Украина, Прибалтика и Ингерманландия) за 1725—1732 гг. также имеется 10 дел, в которых по отдельным поселениям приводятся данные о численности и составе податного населения.²² Лишь по Малороссии сведения даются по дворам, а не в подушном исчислении. Только по нескольким уездам подробные перечневые ведомости не были присланы в срок и до сих пор не обнаружены (отсутствуют ведомости по 16 уездам из 298).

Сохранившиеся ведомости содержат подробные данные о численности, сословном и национальном составе охваченного ревизией населения городов, пригородов и прочих населенных пунктов. По северным губерниям (Архангельская, Новгородская) не отмечается национальность карелов, коми, ижорцев, вепсов и т. д. Большое достоинство этих ведомостей заключается также в выделении всех слобод и деревень, включенных в «градскую между». Здесь проживало преимущественно земледельческое население (однодворцы, воинские поселения, церковные крестьяне и др.), которое полицией уже с 40-х годов XIX в. не учитывалось в составе городского. Наличие данных о всех этих пригородах позволяет выяснить, как росло население городов, когда и каким путем земледельческие пригороды постепенно сливались с городами, а население их порывало с земледелием. Они позволяют в случае необходимости отделить пригороды и рассмотреть рост населения только городов. Это особенно важно при анализе движения населения городов на сопоставимой территории в XVIII в. (когда пригороды сливали с городами) и в XIX в. (когда пригороды механически отделили от городов).

Кроме специально составленных перечневых списков населенных мест, большое значение для изучения городского населения 20-х годов XVIII в. имеют переписные книги I ревизии, которые поименно перечисляют по городам и уездам все охваченное ревизией население. Такие книги сохранились по 177 из 259 уездов России, на территории которых производилась общая ревизия (68,34% всех уездов, охваченных переписью). Особую ценность переписные книги представляют для городов и уездов, по которым не сохранились составленные перечневые ведомости.²³ Переписные книги сообщают те же данные, что и перечневые ведомости поселений, но по гораздо более подробной программе, так как в них поименно перечисляются все лица, подлежавшие ревизскому учету. (Данных перечневых ведомостей и переписных книг по I ревизии не сохранилось только по Каргопольскому, Енисейскому, Красноярскому и Туруханскому уездам). К сожалению, по всем этим материалам, как правило, не подведено общих итогов. Сводные компактные ведомости по городам имеются только о городском податном населении (295 799 душам. п.). Это свидетельствует о том, что исследователям еще предстоит подсчитать по всем вышеуказанным книгам и ведомостям численность податного населения, охваченного

²⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1163, л. 2.

²¹ Там же, д. 1159—1161, 1163, 3519.

²² Там же, д. 1106, 1110, 1192; оп. 19, д. 1248; оп. 58, д. 1808—1810, 1812—1814.

²³ По Рыльскому, Путивльскому, Недригайловскому, Каменскому, Брянскому, Трубчевскому, Кромскому, Карачевскому, Пензенскому, Соликамскому, Кунгурскому и Чердынскому уездам (см. ЦГАДА, ф. 350, оп. 1—3).

I ревизий. Из неподатного населения 20-х годов XVIII в., проживавшего в городах страны, источники ведомственного учета позволяют учесть только регулярную армию.²⁴ Кроме того, сохранились ревизские списки о численности приказнослужителей.²⁵ Таким образом, полностью отсутствуют лишь сведения о духовенстве, дворянстве и некоторых других более мелких группах населения городов. Они подлежали церковному учету, организованному в России в 1722 г., однако поиски клировых ведомостей его пока не дали результатов.

По II ревизии (1744 г.) в распоряжении историков имеются подробные поездные ревизские данные²⁶, а также материалы клировых ведомостей церковного учета²⁷ по всем районам страны. Они позволяют учесть численность и состав проживавших в городах (с пригородами) податных и частично неподатных групп населения (приказных служителей, духовенства и т. д.). Кроме того, сохранились ведомости Военной коллегии о численности и дислокации гарнизонных войск в городах.²⁸ С учетом всех этих групп общая численность всего мужского населения, проживавшего в городах, достигает 660 тыс., или 7,18% всего населения страны (не считая дворян, ямщиков, отставных «воинских чинов», иностранцев и «малороссиян», живших в русских губерниях; с учетом этих групп проживавшие в городах категории составляли примерно 8%).

По II ревизии, как и по I, сохранилось много переписных книг, которые позволяют поименно определить все подлежащее ревизии население, проживавшее в городах, и установить состав и численность населения пригородов, включенных в «градскую межу».²⁹

Переписные книги по II ревизии содержат полные сведения об учитываемом ревизией населении по отдельным пунктам. В них под определенными номерами приводятся материалы биографического порядка о каждой душе мужского пола. В конце же каждой книги помещены суммарные данные по сословиям о всем населении городов и уездов. Всего в ЦГАДА удалось обнаружить переписные книги по 230 уездам страны из 278 уездов, на территории которых производилась ревизия.³⁰ К сожалению, отсутствуют какие бы то ни было источники по 20 уездам Прибалтики (по Выборгской, Рижской и Ревельской губерниям). На территории же, охваченной ревизией, не удалось обнаружить переписные книги по 48 уездам. Это главным образом уезды Московской (Клинский, Можайский, Серпуховский, Тарусский, Оболенский, Малоярославецкий, Звенигородский, Одоевский, Перемышльский, Воротынский, Козельский, Гремячевский, Печерниковский, Сапожковский, Нерехотский, Буйский, Гороховецкий и Кинешемский), Астраханской (Астраханский, Красноярский, Кизлярский и Дмитриевский) и Сибирской (Сургутский, Кузнецкий, Пелымский, Тарский, Туринский, Березовский, Кецкий, Енисейский, Туруханский и Селенгинский) губерний. По остальным губерниям не обнаружены переписные книги лишь по 15 уездам (Порховский и Староладужский — по Новгородской, Солигаличский и Судайский — по Архангелогородской, Вольновский, Недригайловский, Каменский, Брянский, Мценский, Новосильский, Чернский, Болховецкий и Острогжский — по Белгородской и Чернавский и Троицкий по Воронежской губерниям). Специальных ревизских списков населенных мест по данным II ревизии не составлялось.

По III ревизии (1762 г.) материалы церковного учета населения пока не удалось обнаружить в архивах. Поэтому, изучая историю городов России 60-х годов XVIII в.,

²⁴ ЦГВИА, ф. 19, оп. 1/24, д. 6, л. 38—42.

²⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1117, л. 269 об. — 375 об.

²⁶ ГПБ, Отдел рукописей, ф. 885, оп. 1, д. 242, л. 1—51.

²⁷ Экстракт о исповадавшихся и причащавшихся и несповадавшихся и непричащавшихся и о раскольниках за 1737 г. — Описание документов, хранящихся в архиве ... Синода за 1740 год. СПб., 1908, стр. 386—387, 891—902.

²⁸ ЦГВИА, ВУА, д. 16339, л. 1—4.

²⁹ ЦГАДА, ф. 350, оп. 1—3. Перечней поселений в России в этот период не составлялось.

³⁰ Сюда включены и 10 малороссийских полков, по которым имеются чрезвычайно подробные материалы ревизии 1740 г., хотя она сообщала сведения только о числе дворов (см. ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 1846).

исследователи вынуждены ограничиваться данными ревизий и ведомственных исчислений.

Население всех городов (с пригородами) учтено в поездных ведомостях III ревизии.³¹ Однако здесь приводятся только данные о податном населении и без выделения жителей пригородов.

Кроме того, в 60—70-х годах была предпринята попытка составить планы и описания городов России. К сожалению, работа эта выполнена только по части городов.³² Описания содержат подробные сведения о числе дворов всех категорий населения, проживавших в черте городов, а также ревизские данные о численности податного и частично неподатного населения. Дополнительно приводятся материалы о численности «штатной военной команды», разночинцев, духовенства, однако отсутствуют данные о дворянстве, приказных служителях и т. д. Тем не менее наличие сведений о числе домов всех этих категорий населения позволяет примерно определить численность всего приписного населения городов.

В 70-е годы XVIII в. составлено несколько географических описаний, содержащих данные о числе домов в городах с указанием сословной принадлежности их владельцев, а также уточненные ревизские материалы о численности и составе населения городов. Особо следует указать на описания Московской³³ и Воронежской³⁴ губерний, а также городов Поволжья и частично Центрально-нечерноземного района.³⁵ Уже в 80-е годы в период проведения административно-территориальной реформы 1775—1785 гг. было составлено несколько топографических описаний губерний в новых границах. В них сообщались уточненные данные о численности и составе населения городов по III ревизии. Не подлежавшее ревизии население учитывалось также губернскими правлениями, хотя и не с такой точностью. Подобные описания имеются по Воронежской, Калужской, Московской, Псковской, Смоленской, Харьковской, Тульской, Курской и Симбирской губерниям.³⁶ Все они содержат сведения о населении городов с пригородами, однако население пригородов, как правило, не выделено особо.

К сожалению, по III ревизии отсутствуют полные данные о численности и составе населения по отдельным населенным пунктам, позволяющие уточнить состав пригородов и определить их население. Это объясняется тем, что по III ревизии уже не составлялись специальные переписные книги. Обычно по каждому уезду теперь брошюровались вместе ревизские сказки, которые плохо сохранялись в архивах. В целом общая III ревизия производилась в 268 уездах страны из 298 (не считая Малороссии). Ревизские сказки же обнаружены по 217 уездам, но и они представляют собой обрывки без начала и конца и поэтому содержат неполные данные. Кроме того, в ревизских сказках не было учтено около 500 тыс. душ м. п., обнаруженных уже после завершения ревизии.

Однако по ряду уездов страны сохранились более поздние специально составленные ревизские списки населенных мест, в которых приводятся уточненные сведения о численности и составе населения городов и всех пригородов, включенных в «градскую межу». Такого рода списки составлялись в конце 60—70-х годов XVIII в. в связи с началом проведения Генерального межевания и административно-территориальной реформы 1775—1785 гг. Списки 60—70-х годов имеются как в границах до реформы 1775—1785 гг., так и в «пореформенных» границах.

³¹ ГПБ, Отдел рукописей, ф. 885, оп. 1, д. 242, л. 1—51.

³² ЦГИА СССР, ф. 1399, оп. 1, д. 242—854; ЦГАДА, Гос. архив, р. XVI, д. 595, 630, 666, 675, 687, 690, 719, 730, 736, 738, 744, 751, 752, 772, 775, 787, 838, 839, 864, 866, 869, 872, 875, 890, 894, 926, 961, 971, 979, 999, 1011.

³³ ЦГВИА, ВУА, д. 18860; ЦГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 2499; ф. 181, оп. 1, д. 210; ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 178, оп. 1, д. 132.

³⁴ ЦГВИА, ВУА, д. 18666.

³⁵ ЛОИИ, кол. 115, д. 481.

³⁶ ЦГВИА, ВУА, д. 18667, 18758, ч. 1—II; 19120, 19135, 18900, ч. I—IV; 19024; ЦГАДА, Гос. архив, р. XVI, д. 900, 953; ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 512—514.

За «дореформенный» период ревизские списки имеются по всей Московской провинции (в форме обычных списков населенных мест³⁷ и экономических примечаний Генерального межевания³⁸), по Углицкой³⁹, Переяславль-Залесской⁴⁰ провинциям; Ярославскому и Пошехонскому уездам Ярославской провинции⁴¹ Московской губернии и по Петербургской губернии.⁴²

Весьма значительные материалы о населении городов, пригородов и всех прочих населенных пунктов отложились в результате проведения реформы 1775—1785 гг. и Генерального межевания. Они приводят сведения уже в новых административно-территориальных границах. Такие материалы содержатся во многих фондах ЦГАДА и в значительной мере еще не описаны и не выделены. Нам удалось обнаружить ряд списков в фонде XVI разряда Гос. Архива (по Воронежской, Казанской, Нижегородской, Вятской, Симбирской и Азовской губерниям).⁴³ Кроме того, по ряду губерний имеются экономические примечания конца 70-х — начала 80-х годов, в которых использованы уточненные данные III ревизии (по Московской⁴⁴, Калужской⁴⁵, Смоленской⁴⁶, Витебской и Могилевской⁴⁷ губерниям).

Таким образом, по данным III ревизии мы располагаем значительными сведениями о численности и составе населения городов страны с пригородами. Данные о не подлежащих ревизии категориях населения также сохранились в различных описаниях городов и экономических примечаниях Генерального межевания. Однако не во всех случаях можно выделить население пригородов, так как по отдельным районам и губерниям (Сибирь, Северный район, Малороссия и др.) приходится пользоваться ревизскими ведомостями, в которых не выделены пригороды. Такие общероссийские ведомости имеются как на конец 60-х годов XVIII в.⁴⁸, так и на начало 80-х годов.

По IV ревизии (1782 г.) также сохранились богатые материалы о численности и составе населения городов. В распоряжении исследователей имеются подробные данные о численности всех категорий податного и неподатного населения в городах 29 губерний из 43 губерний и областей России. Обычно это материалы IV ревизии, использованные в топографических описаниях губерний и дополненные сведениями о численности и составе категорий населения, не охваченных ревизиями. (Данных церковного учета о численности и составе православного населения или лютеран в архивах не обнаружено). По прочим 13 губерниям имеются лишь ревизские материалы о численности и составе населения городов с пригородами. Однако и по этим губерниям есть сведения о числе домов, принадлежавших не учитываемому ревизией населению, а также полные данные о всем населении ряда городов (Казани, Саратова и др.). Лишь по одной Кольванской губернии не удалось обнаружить материалов о населении городов и приходится пользоваться данными о численности и составе только городских податных сословий. Привлечение всех указанных выше источников (ревизского и ведомственного учета) позволяет сделать вывод, что численность приписного населения городов России (с пригородами) в 80-е годы XVIII в. была весьма значительна — около 1210 тыс. душ м. п., или примерно 8,36% всего населения России. Однако в процентном отношении

³⁷ ЦГАДА, Гос. Архив, р. XVI, д. 570.

³⁸ ЦГВИА, ВУА, д. 18753, 18754, 18858, 18859; ЦГИА СССР, ф. 1350, оп. 312, д. 202, 207—210.

³⁹ ЦГАДА, ф. 450, оп. 4, ч. IV, д. 4256 (1776 г.), 3583 (1767 г.); ф. 1355, оп. Ярославская губерния, д. 52 (1777 г.).

⁴⁰ Там же, ф. 437, оп. 3, д. 1859—1861; ф. 455, оп. 1, д. 1344, л. 336—402; ф. 1355, Ярославская губерния, д. 42—44 (1777 г.).

⁴¹ Там же, ф. 455, оп. 1, д. 1139, 1344 (1777 г.).

⁴² Там же, Гос. Архив, р. XVI, д. 506 (1776 г.).

⁴³ Там же, д. 654 (1779 г.); 725, ч. I (1780 г.); 777, ч. I (1780 г.), 931 (1780 г.), 797, ч. III (1775—1781 гг.).

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1350, оп. 312, д. 106—107.

⁴⁵ ЦГВИА, ВУА, д. 18758, ч. I—II (1780 г.).

⁴⁶ Там же, д. 19038, ч. I—XI (1781 г.); ЦГИА СССР, ф. 1350, оп. 312, д. 223—236.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1350, оп. 312, д. 48—51.

⁴⁸ ГПБ, Отдел рукописей, ф. 885, оп. 1, д. 242, л. 1—51.

удельный вес его по сравнению с 40-ми годами XVIII в. вырос незначительно, примерно на 0,5%. Городские податные сословия составили 421 502 души м. п. (3,08% всего населения страны), т. е. немногим более 1/3 проживавшего в городах населения. При этом нельзя забывать и того факта, что если городские податные сословия сравнительно точно учитывались ревизиями, то не охваченные ревизиями категории населения городов (дворянство, иностранцы, приказные чины и т. д.) учтены местной администрацией гораздо менее точно и здесь возможны значительные пропуски. По некоторым городам местные власти учли даже численность наличного населения городов, присоединяя для этого к данным IV ревизии всех прибывших «по пашпортам» (например, по Тверской и Новгородской губерниям).

По IV ревизии к населению городов по-прежнему отнесены многочисленные группы крестьянского земледельческого населения пригородов, включенных в «градскую межу». Это касается в первую очередь ряда южных губерний (Курской, Воронежской, Харьковской, Орловской и др.), где к городам примыкали многочисленные слободы, населенные главным образом однодворцами.

Поэтому и для периода проведения IV ревизии (если сравнивать ее данные с материалами последующих исчислений) крайне важно располагать источниками, которые перечисляли бы все земледельческие пригороды, включенные в «градскую межу». Начиная с 1775 г. ревизские сказки уже не отсылались в центр, а хранились на местах. Поэтому по IV ревизии нам удалось обнаружить ревизские списки поселений с выделением городов и пригородов лишь по 5 губерниям и областям: Войску Донскому, Кавказской, Новгородско-Северской, Киевской и Черниговской.⁴⁹ Опубликованы списки по Таврической области.⁵⁰ Однако основным и наиболее полным источником для определения численности населения пригородов и уточнения ревизских данных служат экономические примечания Генерального межевания. Данные IV ревизии использованы в экономических примечаниях по 24 губерниям страны.⁵¹ Таким образом, экономические примечания и ревизские списки поселений сохранились по 30 губерниям и областям, отсутствуют они по 13 губерниям: Архангельской, Выборгской, Иркутской, Казанской, Кольванской, Ревельской, Рижской, Саратовской, Симбирской, Вятской, Пермской, Тобольской и Уфимской.

По V ревизии (1795 г.) материалы о численности и составе населения городов, дополненные данными о численности населения, не охваченного ревизией, еще более обширны. Из 50 губерний и областей России полные сведения о численности всех категорий населения, проживавших в городах, сохранились по 38 губерниям; по 11 губерниям имеются данные о численности охваченного ревизиями населения городов и лишь по одной Псковской губернии — только материалы о городском податном населении.

Сведения о всех категориях городского населения этого периода хорошо представлены в архивах, так как с начала XIX в. организован административно-полицейский учет. Местная полиция должна была учитывать не только приписное ревизское население городов и отдельные категории неподатного неревизского населения, но и людей, временно живших в городах «по пашпортам».

Необходимость учета временного населения городов особенно с начала XIX в. диктовалась усилившимся притоком в города крестьян на заработки. Для 30—50-х годов XIX в. (с 1828 г.) размеры отходничества сельского населения прослежены в статье А. Г. Рашина.⁵² Только в 1828 г., по его подсчетам, паспорта получили 618,1 тыс. крестьян м. п. из 54 губерний и областей. В последующие годы размеры отходничества росли. Не подлежит сомнению, что и в XVIII в., особенно во второй его половине, на

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 4337, л. 823—832; д. 4640, л. 358—364, д. 4339, л. 801—913; д. 4338, л. 92—345; Гос. архив, р. XVI, д. 4 (доп.), л. 1—91.

⁵⁰ ИТУАК, 1896, стр. 53—54.

⁵¹ См. ЦГАДА, ф. 1355, Описание экономических примечаний Генерального межевания.

⁵² А. Г. Раши н, К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30—50-х гг. XIX века. «Исторические записки», 1955, № 53, стр. 144—193.

заработки в города уходило много крестьян. Ревизии же совершенно не учитывали отходников в городах и продолжали их считать жителями сельской местности. Однако исчисления полиции первой трети XIX в. еще основывались на данных ревизий и лишь дополняли их сведениями о численности категорий населения, не охваченных ревизиями. Первые попытки учета наличного населения городов (без пригородов) относятся к 1840 г.⁵³ Поэтому во всех сохранившихся ведомостях конца XIII — начала XIX в. сообщаются данные V ревизии, в ряде случаев дополненные местной полицией. Клировых ведомостей за конец XVIII в. обнаружить не удалось. За первую половину XIX в. они имеются только за 1857—1858 гг. Лишь по нескольким крупнейшим городам страны сообщались сведения о численности наличного населения.

По V ревизии в состав городов по-прежнему включались многочисленные пригороды с чисто земледельческим населением. В архивах сохранились подробные ревизские списки населенных мест, составленные казенными палатами, по 35 губерниям страны (из 51). По 7 губерниям сохранились экономические примечания Генерального и частных межеваний, в которых использованы данные V ревизии.⁵⁴ Следовательно, по V ревизии имеются подробные сведения о размещении населения по поселениям 42 губерний страны. Не удалось обнаружить их лишь по 9 губерниям: Новгородской, Псковской, Оренбургской, Тобольской, Томской, Могилевской, Лифляндской, Курляндской и Выборгской. Положительным следует считать, что списки сохранились по всем губерниям, где были значительные земледельческие пригороды. По указанным 9 губерниям также можно определить состав и население пригородов, так как по ним составлены алфавитные полицейские списки населенных мест 1808—1809 гг. Однако в них имеются данные лишь об общей численности дворов в каждом поселении.⁵⁵

Таким образом, исследователи располагают ревизскими материалами о численности и составе приписного населения городов с пригородами по всем пяти ревизиям XVIII в., однако население пригородов можно выделить не во всех случаях. Сравнительно полно его можно установить по I, IV и V ревизиям. Материалы ревизий дополняют данные полицейского, а по II ревизии и церковного учета.

Данные о наличном населении XVIII в. имеются только по некоторым городам (например, по Петербургу с 1737 г. — подробнее об этом ниже) и в основном лишь за последнюю четверть XVIII в.

Ревизии особо учитывали и выделяли население городов только в XVIII в., что было связано с особенностями ревизского учета. По I—II ревизиям население переписывалось в основном специально посланными «воинскими чинами», которые последовательно объезжали все поселения на определенной территории. В составленных ими переписных книгах всегда особо выделялись города, пригороды и прочие поселения. Именно поэтому и в перечневых ревизских ведомостях, составленных на основе переписных книг, отдельно приводились данные о населении городов и уездов. По III—V ревизиям население городов и уездов тоже никогда не смешивалось. Обычно в казенные губернские палаты (с 1775 г.) присылались две перечневые ревизские ведомости: о населении городов — от магистратов и о населении уездов — от нижних земских судов.⁵⁶ Из этих составных частей складывались погубернские и поуездные краткие перечневые ведомости, в которых население городов (с пригородами) и уездов значилось в особых специальных графах.

С VI ревизии (1811 г.) сбор сказок и составление итоговых перечневых ведомостей изъяти из ведома магистратов и нижних земских судов. В каждом уезде на время ревизии стали создаваться уездные ревизские комиссии, которые собирали и суммировали данные о населении на территории уезда, не выделяя особо население города и уезда.⁵⁷ Это сразу же отразилось и на сводных перечневых ведомостях, составля-

⁵³ Подробнее об этом будет сказано при анализе административно-полицейского учета населения.

⁵⁴ См. ЦГВИА, ф. ВУА; ЦГИА СССР, ф. 1350, оп. 312.

⁵⁵ Такие списки имеются по 42 губерниям страны (см. ЦГВИА, ф. ВУА).

⁵⁶ ПСЗ, т. XX, № 14392, стр. 240.

⁵⁷ ПСЗ, т. XXXI, № 24635, стр. 651—653.

мых в казенных палатах. В них более не выделялось население городов и на основании этого источника (т. е. по VI—X ревизиям за 1811—1858 гг.) можно определить только численность городских податных сословий. Ревизские же данные о численности и составе населения городов и пригородов содержались далее только в специально составленных ревизских списках или в экономических примечаниях Генерального и специальных межеваний. К сожалению, такие материалы за первую половину XIX в. очень неполно сохранились в архивах. По VI, VIII и X ревизиям их вообще не удалось обнаружить, по VII ревизии они имеются только по 12 губерниям, а по IX — по 7 губерниям.⁵⁸ Иногда ревизские данные приводятся также в отчетах губернаторов первой половины XIX в.

III. Обзор материалов административно-полицейского учета XIX — начала XX в. и церковного учета второй половины XIX в.

Для XIX — начала XX в. основным источником определения численности и частично состава населения городов служит административно-полицейский учет, хотя до 40-х годов XIX в. он в основном базировался на данных ревизий. Необходимо однако отметить, что уже с 30-х годов XVIII в. в России существовал, правда, лишь в Петербурге и Москве, полицейский учет наличного населения. В 1737 г. в Петербурге местная полиция в течение нескольких дней переписала все наличное население города. Результаты этой переписи по кварталам и отдельным домам сохранились⁵⁹, но еще не исследовались. Затем подобные исчисления систематически повторялись в Петербурге и Москве в течение XVIII—XIX вв. Известно, например, что в Петербурге они производились в 1750 г.⁶⁰, 1765, 1780, 1789, 1800⁶¹, 1804⁶², 1812, 1817, 1825⁶³, 1830 гг.⁶⁴ и т. д.; в Москве — в 1785⁶⁵, 1811, 1825, 1830, 1835, 1840, 1847, 1858 гг.⁶⁶ и т. д.

Эти исчисления представляют большой интерес для изучения истории городов России и движения населения в XVIII—XIX вв., так как Москва и Петербург были тогда местами наибольшего притока пришлого, временного населения, которое в отдельные периоды составляло большую часть населения этих городов. В ходе ревизий переписывалось т. н. приписное население, постоянно проживавшее в данной местности, т. е. все «временное»⁶⁷ население Москвы и Петербурга (да и всех других городов) не регистрировалось ревизиями.

Все это свидетельствует о том, что административно-полицейские исчисления населения Петербурга и Москвы XVIII в. являются важным источником для изучения истории народонаселения этих городов. В 80-е годы XVIII в. предпринимались отдельные попытки таким же путем учесть население ряда других городов (например, Казани, Астрахани и др.).

В общероссийском масштабе полицейский учет налаживается лишь с 1811 г. Полицейский учет (кроме 1811 г.) не регистрировал, как правило, земледельческое население пригородов, учтенное ревизиями. Это его коренное отличие от ревизий. Полицейские

⁵⁸ Экономические примечания генерального и специальных межеваний имеются по 5 губерниям: Ярославской, Тамбовской, Тульской, Слободско-Украинской и Полтавской, а ревизские списки по 7 губерниям: Воронежской, Рязанской, Курской, Могилевской, Минской, Екатеринославской и Таврической (см. ЦГВИА, ВУА). По Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Тамбовской, Тверской, Ярославской и Михайловскому, Пронскому и Скопинскому уездам Рязанской губернии (ЦГАДА, ф. 1357, оп. 1).

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 8, д. 201, л. 1—1234.

⁶⁰ ЦГАДА, Гос. архив, р. XVI, д. 459, л. 11.

⁶¹ А. Г. Рашин, Население России за 100 лет, стр. 111.

⁶² ЦГАДА, там же, д. 17 (доп.), л. 1—2.

⁶³ А. Г. Рашин, Население России за 100 лет, стр. 111.

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 4, д. 2597, л. 326—327.

⁶⁵ Архив АН СССР, Ленингр. отдел., ф. 30, оп. 2, д. 87, л. 11—12.

⁶⁶ А. Г. Рашин, Население России за 100 лет, стр. 111.

⁶⁷ Термин «временное» здесь условен, так как часть населения столиц могла жить там весьма длительное время и лишь значит по ревизии в другом месте.

исчисления XIX в. не сразу начали регистрировать наличное население во всех городах страны. В первой трети XIX в. они учитывали (кроме Москвы и Петербурга) не наличное население, а наличные ревизские души, т. е. не принимали во внимание родившихся и умерших после ревизии, а фиксировали в городах ревизское приписное население и записанных по ревизии переселенцев и отходников. Лишь неподатное, не охваченное ревизиями население учитывалось административно-полицейским учетом целиком по месту жительства и на момент учета.

Начиная с 1811 г. результаты административно-полицейских учетов за отдельные годы публиковались и становились доступными для исследования. Лишь по некоторым губерниям были собраны полные данные о численности всех категорий населения городов. Таким образом, материалы административно-полицейского учета 1811 г. позволяют воссоздать численность далеко не всех категорий городского населения. Сведения, собранные городской полицией, опубликованы в исследовании К. Ф. Германа.⁶⁸ Их анализ свидетельствует о том, что исчисление 1811 г. основывается на результатах V ревизии (1795 г.) и только не охваченное ревизией население учтено по состоянию на 1811 г.⁶⁹ Об этом говорят и подробные материалы 1811 г., сохранившиеся по 9 губерниям.⁷⁰ Среди горожан еще значатся земледельцы пригородов, а действительно наличное население приводится только по Петербургу и Москве. Лишь с 1812 г., когда стали известны результаты VI ревизии, полицейский учет основывался на ее данных. Со второго десятилетия XIX в. в составе населения городов полиция не учитывает земледельческое население многих пригородов.

По материалам полицейского учета 1811 г., численность городских податных сословий равнялась 1151,1 тыс. человек об. п. В то же время по данным V ревизии (1795 г.) они составляли 771 317 душ м. п.⁷¹, а по VI ревизии (1811 г.) — 892 861 душ м. п.⁷² Если принять во внимание неполноту учета полицией лиц женского пола, то можно допустить, что общая численность городского податного населения составляла в период проведения V ревизии 1151,1 тыс. человек об. п. Однако в 1811 г. численность податного населения не могла равняться 1151,1 тыс. человек об. п.⁷³ Несоответствие объясняется тем, что в 1811 г. VI ревизия еще только проводилась, ее результаты не были известны и городская полиция использовала в своих расчетах 16-летней давности данные V ревизии. Действительно, сбор сказок по VI ревизии завершился к 1 января 1812 г., а полицейские сведения о городах собирались в ноябре—декабре 1811 г. на основании предписания министра полиции от 30 октября 1811 г.⁷⁴ Это свидетельствует о неполноте данных исчисления 1811 г. в отношении охватываемого ревизией населения. Однако полицейский учет 1811 г. характеризуется, по всей вероятности, неполнотой и в отношении неревизских категорий населения. По Олонецкой, Вятской, Пермской, Лифляндской, Слободско-Украинской и Таврической губерниям не приводятся данные о численности дворянства и духовенства в городах. По ряду других губерний сведения об этих группах явно недостаточны. Так, по городам Новгородской губернии учтено всего 48 человек об. п. дворян, а по исчислению 1738 г. их было 627⁷⁵, по исчислению 1799 г. — 606 человек об. п.⁷⁶

Следует отметить, однако, что К. Ф. Герман в ряде случаев отличал учет городской полиции от ревизских данных. Принимая по полицейскому исчислению 1811 г. за

⁶⁸ К. Ф. Герман, Статистические исследования относительно Российской Империи. СПб., 1819, стр. 303—333.

⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 29, л. 37—38 (исчисления по Вологодской губернии); д. 34, л. 37—38, 102—103 (исчисления по Воронежской губернии) и др.

⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 1, д. 1.

⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 6.

⁷² Там же, д. 14.

⁷³ В таком случае на долю мужчин приходится 892 861 человек, а на долю женщин только 258 139 человек.

⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 1296, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁷⁵ ЦГИА, ВУА, д. 18877, л. 5—6.

⁷⁶ ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 391, л. 21 об. — 22.

основу общую численность городского податного населения обоого пола равной 1151,1 тыс., по VI ревизии (тоже 1811 г.) он называет другую цифру — 827 986 душ м. п.⁷⁷ В результате некритического отношения к официальным источникам он не обратил внимания на явную несообразность этих цифр.

Сведения об общей численности населения городов, сообщенные К. Ф. Германом по состоянию на 1811 г., нуждаются в уточнениях и дополнениях. Прежде всего численность городских податных сословий необходимо взять по данным VI ревизии, осуществленной в том же 1811 г. Кроме того, необходимо найти сведения о численности дворянства и духовенства по недостающим 6 губерниям и уточнить их по остальной территории страны. С учетом всех этих обстоятельств численность городского населения России в 1811 г. составит около 3500 тыс. человек об. п. (а не 2765 тыс.) и, следовательно, темпы роста населения городов России в первой половине XIX в. были несколько иными, чем считалось до сих пор.

Учитывая, однако, что со второго десятилетия XIX в. полиция перестала давать в составе городского населения жителей земледельческих пригородов, а с 40-х годов начала повсеместно регистрировать наличное население, крайне трудно даже предположительно определить, как изменялась численность населения городов в XVIII—XIX вв. Сопоставимы материалы ревизий и первого полицейского исчисления 1811 г. По ним можно проследить движение приписного населения городов с 1719 по 1811 г. Для хотя бы примерного сопоставления этих данных с материалами последующих полицейских учетов и переписей необходимо, кроме прочей источниковедческой работы, 1) привлечь по полицейским учетам (где это возможно) и переписям только сведения о численности постоянного населения городов; 2) исключить из ревизских и полицейских данных XVIII — начала XIX в. численность населения пригородов или присоединить ее к материалам полицейского учета после 1811 г.

В противном случае сопоставляются несопоставимые величины, что может привести к ошибочным выводам. В качестве примера рассмотрим движение населения городов Рязанской губернии с 80-х годов XVIII в. по 40-е годы XIX в. По данным IV ревизии (1782 г.) в городах с пригородами проживала 27361 душа м. п.⁷⁸, по V ревизии (1795 г.) — 28739 душ м. п.⁷⁹, по материалам полицейского учета 1818 г., опирающегося на результаты VII ревизии, в городах — 19 955, а в пригородах — 12 893 души м. п., т. е. всего 32 748 душ м. п.⁸⁰ Таким образом, прирост населения в первой четверти XIX в. наблюдался только в том случае, если рассматривать города вместе с пригородами, т. е. как в XVIII в. Полицейский учет более позднего периода, главным образом постоянного населения городов без пригородов, дает, естественно, меньшие цифры, хотя в самих городах численность населения увеличивается. Так, в 1825 г. в городах Рязанской губернии было учтено 28 697⁸¹, а в 1833 г. даже 27 437 душ м. п.⁸² Лишь в 1840 г., когда учитывалось наличное население городов, численность населения составила 39 206 душ м. п.⁸³ Это означает, что если не принимать во внимание изменение метода учета, придется признать, что численность горожан последовательно сокращалась в течение первой трети XIX в., хотя в действительности происходил противоположный процесс. На это обстоятельство никто из историков и статистиков, однако, не обратил внимания, так как по XVIII в. привлекались цифры только о численности городского податного населения, по началу XIX в. — всего населения городов (по исчислению 1811 г.), затем постоянного (кроме Петербурга, Москвы и некоторых

⁷⁷ К. Ф. Герман, Статистические исследования относительно Российской империи, стр. 186.

⁷⁸ ЦГВИА, ВУА, д. 18975, 18977; ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 4339, л. 680—776; ф. 1355, оп. Рязанская губерния, д. 4.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1355, оп. Рязанская губерния, д. 3.

⁸⁰ ЦГВИА, ВУА, д. 18397, ч. 1, л. 469.

⁸¹ Статистическое изображение городов и посадов Российской империи на 1825 год, СПб., 1829.

⁸² Обзорение состояния городов и посадов Российской империи в 1833 г. СПб., 1834.

⁸³ Статистические таблицы за 1840 год о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского. СПб., 1842.

других городов) населения городов без пригородов, а с 40-х годов XIX в. — наличного населения городов. Неверный учет городских податных сословий⁸⁴ по 1811 г. дал картину быстрого и постоянного роста населения городов за весь рассматриваемый период, а на изменение метода учета никто не обратил внимания.

Второе общероссийское исчисление населения городов было осуществлено в 1825 г. Оно дало 3 521 052 души об. п.⁸⁵, а на сопоставимой с 1811 г. территории — 3329 тыс. душ об. п.⁸⁶ По уточненным данным население 1811 г. определялось в 3500 тыс. душ об. п. Некоторое сокращение объясняется, как уже отмечалось, тем простым фактом, что в 1825 г. население многих пригородов полицией не учитывалось. Кроме того, нельзя забывать, что учет 1825 г. при определении численности податного населения опирался на данные VII ревизии (1815—1816 гг.). В то же время численность первоначально учтенных VII ревизией городских податных сословий ввиду большой ее неточности составила всего 830 626 душ м. п., или около 1 600 000 человек об. п., т. е. даже уступала данным VI ревизии. Правда, за период с 1816 по 1834 г. было учтено еще 309 585 душ м. п. прописных и утаенных купцов и мещан⁸⁷ и их численность к 1834 г. возросла до 1 208 616 душ м. п.⁸⁸, однако городская полиция к 1825 г. в полном объеме не располагала этими сведениями. Дело в том, что сбор сведений осуществлялся в 1823—1824 гг. на основании циркуляра МВД от 1 марта 1823 г., а уточненные материалы публиковались на конец 1824 — начало 1825 г.⁸⁹ Результаты исчисления 1825 г., опубликованные МВД в 1829 г., содержат только сводные данные о численности мужского и женского населения по 635 городам и 51 посаду и местечку России. Особо приводятся только сведения о купцах мужского пола. Исходя из подробных архивных данных по ряду губерний (Рязанской, Владимирской, Казанской и др.), а также циркуляра МВД от 1 марта 1823 г., можно сделать вывод, что в 1825 г. в городах регистрировались те же категории населения, что и в 1811 г., однако уже без многих земельных пригородов.⁹⁰ К сожалению, пока не удалось обнаружить подробные материалы этого исчисления и мы не располагаем сведениями о сословном составе населения в 1824—1825 гг. по большинству городов. Анализ переписки о ходе осуществления исчисления показывает, что местная полиция далеко не единообразно регистрировала жителей. В одних городах учитывалось постоянное население (по Новгородской губ., г. Коротояку Воронежской губ.), в других делалась попытка охватить наличное население (например, в Твери — 12 979 человек об. п. временных жителей, пришедших на заработки).⁹¹ Это, конечно, затрудняет сопоставление ревизских данных XVIII в. и учета 1811 г.⁹² с результатами подсчетов 1824—1825 гг.

В 1826 г. полиция учитывала уже исключительно постоянное население городов. МВД потребовало от местной полиции циркуляром от 28 марта 1826 г. представить «рописание... городов с показанием во оном числа жителей...»⁹³ Неопределенность циркуляра привела к тому, что в разных городах полиция регистрировала то наличное, то постоянное население, однако в окончательной редакции оставлены данные о постоянном населении. Переписка о ходе учета 1826 г. свидетельствует о том, что за корот-

⁸⁴ Объяснение этой неточности дано при анализе исчисления 1811 г.

⁸⁵ Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год СПб., 1829, стр. 95.

⁸⁶ См. А. Г. Рашин, Население России за 100 лет, стр. 86.

⁸⁷ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 18, л. 186—191.

⁸⁸ Там же, д. 32.

⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 1, д. 4, л. 140.

⁹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 1, дд. 3—4.

⁹¹ Там же.

⁹² По всей вероятности, отступление от принятой ревизиями практики учета только прописного, близкого к постоянному населения в значительных размерах осуществлялось уже в 1811 г. В предписании министра полиции от 30 октября 1811 г. опущен вопрос о методе учета (сообщить «сколько обоего пола жителей в каждом городе, разделяя их по сословиям»). (См. ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 1, д. 1, л. 1). Только сличение данных полиции с материалами ревизий свидетельствует о том, что цифры V ревизии легли в основу этого исчисления.

⁹³ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 1, д. 4, л. 140.

ный срок с 1823 по 1826 г. в составе городов перестали учитываться многие пригороды с их земельным населением (особенно в Курской и Воронежской губерниях).⁹⁴

В 1828 г. население городов было вновь учтено теми же методами, но с дополнительной регистрацией жителей многочисленных местечек и посадов. За их счет общее население городов увеличилось до 4127 тыс. человек об. п.⁹⁵ Сведений о сословном составе его, кроме немногих городов, ни в 1826, ни в 1828 г. не приводится.

Таким же путем определено и население городов в 1833 г. Это был последний полицейский учет постоянного населения, основанный на материалах ревизий (VII ревизии). В 1833 г. очень четко выдерживался принцип учета постоянного населения («были означены только коренные жители городов»). Сведения о численности отдельных сословий опять-таки не приводятся. Выделены особо только купцы 1, 2 и 3 гильдий, а также учащиеся и работники на фабриках. Население посадов и местечек также регистрировалось в 1833 г., однако отдельно все посады и местечки не указаны и приведены только погубернские материалы о численности населения в них.

В 40—50-х годах проводилось несколько полицейских исчислений численности населения городов России. Наиболее значительные были в 1840⁹⁶, 1856⁹⁷ и 1858⁹⁸ гг. Они учитывали уже наличное население всех городов России и не основывались более на результатах ревизий. Особо сообщались данные о дворянстве, духовенстве, чиновничестве, купечестве по гильдиям, мещанах и посадских. Однако значительная часть населения дана без разделения на сословия.

За 1857—1858 гг. сохранились также подробнейшие клировые ведомости церковного учета, сопоставимые с ревизиями, так как они регистрировали постоянное население, приписанное к приходам. Составлению этих ведомостей мы всецело обязаны крупнейшему статистiku I половины XIX в. П. И. Кеппену, который сумел получить их у местного приходского духовенства. В клировых ведомостях по приходам, а внутри приходов — по отдельным поселениям приводятся ценнейшие данные о численности и составе всех категорий населения России независимо от их вероисповедания. Все эти материалы хранятся в архиве АН СССР в фонде П. И. Кеппена. Они охватывают все губернии и уезды страны, включая Польшу, Финляндию, Кавказ и Аляску.⁹⁹ Лишь по одной Тульской губернии клировые ведомости были опубликованы П. И. Кеппеном.¹⁰⁰ С помощью клировых ведомостей можно определить состав и население пригородов и проследить их историю на протяжении XVIII — первой половины XIX в.

В пореформенный период административно-полицейские материалы о численности городского населения публиковались много раз. Основными в этот период следует считать исчисления 1863¹⁰¹ и 1884—1885¹⁰² гг. Кроме того, в 1860—1864 гг. ЦСК МВД опубликовал материалы о численности населения городов и посадов в семи томах под названием «Городские поселения в Российской империи», а в начале XX в. издал ценную публикацию¹⁰³, в которой отмечается географическое положение городов, численность населения (без сословного разделения), площадь, количество строений, промышленных и торговых предприятий и т. д.

Определенный интерес представляют также опубликованные и неопубликованные списки населенных мест административно-полицейских исчислений конца 50—80-х годов

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ЦГВИА, ВУА, д. 18415, л. 85—130.

⁹⁶ Статистические таблицы за 1840 год о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского. СПб., 1842.

⁹⁷ Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858.

⁹⁸ Статистические таблицы Российской империи, изданные по распоряжению МВД. Вып. II. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863.

⁹⁹ Архив АН СССР (Ленинград. отд.), ф. 30, оп. 2, д. 2, 2а, 3, 3а, 4—11, 11а, 11б, 12—34, 34а, 35—43, 43а, 44—60, 60а, 61—67, 67а, 67б, 68—84.

¹⁰⁰ П. И. Кеппен, Города и селения Тульской губернии в 1857 году. СПб., 1858.

¹⁰¹ Статистический временник Российской империи, изданный ЦСК МВД, вып. I. СПб., 1856.

¹⁰² Статистика Российской империи, вып. I. Сборник сведений по России за 1884—1885 гг. ЦСК МВД. СПб., 1887.

¹⁰³ Города России в 1910 году, изд. ЦСК МВД. СПб., 1914.

XIX в. Они позволяют определить состав пригородов и уточнить, как они регистрировались во второй половине XIX в. — в составе городов или особо. ЦСК МВД за период с 1861 по 1885 г. опубликовал списки населенных мест по 42 губерниям страны¹⁰⁴, однако многие из неизданных списков сохранились в его фонде (по Гродненской, Киевской, Минской, Могилевской, Петроковской, Витебской, Волынской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Подольской, Эстляндской, Виленской, Новгородской, Иркутской, Келецкой губерниям и Семипалатинской области). Не обнаружены только списки по Кавказу, Северной Америке и частично Польше.¹⁰⁵ Большой интерес представляют неопубликованные полицейские списки, составленные при осуществлении административно-полицейского учета 1884—1885 гг. Они сохранились по 38 губерниям России.¹⁰⁶ Отсутствуют списки по Архангельской, Астраханской, Ставропольской, Оренбургской, всем Сибирским губерниям (кроме Томской), Могилевской, Ковенской, Гродненской губерниям, всей Прибалтике, Правобережной Украине и Польше. Однако по ряду губерний (Архангельской, Ставропольской, Тобольской, Енисейской, Якутской¹⁰⁷ и Оренбургской¹⁰⁸) сохранились подобные же списки 1877—1878 гг.

Таким образом, из сказанного следует, что хотя материалы полицейских исчислений начиная с 1825 г. в значительной мере опубликованы, в наших архивах отложились дополняющие и уточняющие их документы. В этой связи нельзя не отметить, что в ЦГИА СССР имеются сведения о движении населения городов с 1825 по 1915 г. по всем губерниям страны.¹⁰⁹ Помимо опубликованных данных за 1825—1915 гг., здесь приводятся материалы о 1) городском населении, владевшем и не владевшем недвижимым имуществом; 2) городском населении, не платившем государственного квартирного налога; 3) городском населении, платившем государственный промысловый налог; 4) городском населении, пользовавшемся правом участия в городских выборах; 5) торгово-промышленных обществах, товариществах и компаниях; 6) благотворительных и учетных заведений; 7) русских и иностранных подданных; 8) национальности; 9) роде занятия; 10) образовательного цензе; 11) вероисповедании.

Кроме того, сохранились погубернские данные о численности населения городов и материалы о его естественном и механическом движении за каждый год с 1870 по 1916 г.¹¹⁰

Признавая административно-полицейские данные незаменимым источником для изучения городов России, и, в первую очередь, для анализа движения населения городов, нельзя не отметить, что все они с 1825 г. не содержат полных сведений о численности отдельных категорий городского населения. В этом отношении административно-полицейский учет значительно уступает ревизиям XVIII в. Собранные полицией сведения о не охваченных ревизиями группах населения в конце XVIII — начале XIX в. (до 1825 г.) также содержали раздельные данные об их численности. За 20—90-е годы XIX в. мы располагаем полными полицейскими сведениями о составе населения лишь по немногим городам. Однако их значение велико, так как они позволяют установить, какие категории населения и по какому принципу учитывались в составе населения городов. Эти материалы можно подразделить на 1) отчеты городской полиции, использованные в ходе полицейских учетов¹¹¹; 2) статистические и иные описания губерний и городов, содержащие данные о численности и составе населения городов.¹¹²

¹⁰⁴ Нет списков по Новгородской, Иркутской, Енисейской губерниям, Камчатской, Забайкальской, Якутской, Семипалатинской, Амурской областям, всей Литве и Белоруссии, Прибалтике, Правобережной Украине, Кавказу, Польше и Сев. Америке.

¹⁰⁵ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 77—80, 83—86, 88, 89, 91—95, 98—101, 108, 113.

¹⁰⁶ Там же, д. 200—420, 422.

¹⁰⁷ Там же, оп. 4, д. 124, 187, 137—140, 141—161, 185—186, 127—136, 179—183.

¹⁰⁸ ЦГИА, ф. 414, оп. 1, д. 390—397.

¹⁰⁹ ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 25, д. 1—85.

¹¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 755, л. 1—453.

¹¹¹ Например, в ЦГИА СССР в фонде ЦСК МВД (ф. 1290, оп. 1, д. 4) имеются данные 1826 г. о численности и составе жителей городов по Казанской губернии (л. 74—75), Архангельску (л. 28), Феодосии (л. 33) и Саратову (л. 117).

¹¹² В ЦГИА СССР имеется много описаний разных губерний за XIX в. (см. ф. 1290, оп. 4, д. 9, 11, 13, 14, 16, 17 и др.).

IV. Обзор материалов переписей до 1917 г.

Особую ценность представляют материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в которых выделены особо категории населения городов. Эта перепись содержит сведения о численности рабочих, крестьян, дворянства, духовенства, почетных граждан, купечества, мещанства, войсковых казаков, инородцев и разночинцев.¹¹³ Первая демографическая перепись подобно ревизиям учла все население, проживавшее в пределах городов и пригородов независимо от рода занятий. Важен и тот факт, что перепись зарегистрировано как наличное, так и постоянное население. Это обстоятельство открывает широкие возможности для анализа изменений численности и состава населения городов с начала XVIII по конец XIX в. Исследователи могут, не привлекая произведенные другими методами административно-полицейские исчисления, изучать движение населения по материалам ревизий XVIII в., полицейскому исчислению 1811 г., основанному на данных ревизий, церковным данным 1857—1858 гг. и, наконец, материалам переписи 1897 г. о численности и составе постоянного населения.

Таким образом, основными источниками изучения демографической профессиональной и социальной структуры городского населения являются самые массовые демографические источники, т. е. ревизии и переписи населения. Они открывают, как отмечал В. И. Ленин, возможности для синтезного анализа социальной структуры общества. В. И. Ленин указывал, что статистику занятий всего населения России необходимо использовать для приблизительного определения того, на какие основные категории делится все население России по своему классовому положению, т. е. по своему положению в общественном строе производства.¹¹⁴

Первые отдельные переписи населения локального значения проведены в городах Прибалтийских губерний в 1860—1870 гг., т. е. одновременно с переписями в крупных русских городах. В 1881 г. местные статистические комитеты организовали первую общую перепись Прибалтийских губерний. К концу века, как уже отмечалось, относится ценный материал в публикациях первой всероссийской переписи населения 1897 г. Дальше положение ухудшилось.

Сельскохозяйственная перепись 1916 г., хотя и учитывала наличное население городов, однако это не входило в ее прямые задачи. В результате данные о численности населения городов не характеризуются полнотой.¹¹⁵ Кроме того, эта перепись не выделяет классовый состав городских жителей. С начала века до 1917 г. переписи населения проводили лишь в некоторых больших городах России¹¹⁶, в том числе в Прибалтике только в Риге в 1913 г. В Эстонии переписи населения не проводилось до 1922 г. Возможности для выяснения динамики социальной структуры городского населения у латышских историков лучше, чем у литовских и эстонских. Чрезвычайно богатым переписным материалом располагают ленинградские историки: в Петербурге с 1869 по 1910 г. проведено семь переписей населения.

Кроме опубликованных данных о численности и составе населения городов по переписи 1897 г., в архивах сохранились подробнейшие списки всех населенных мест, что позволяет лишний раз проверить, как изменился в течение XIX в. состав пригородов и куда относили их по переписи 1897 г. Земледельческие пригороды, как правило, рассматривались в составе городов. Списки населенных мест находятся в ЦГИА СССР в фонде ЦСК МВД, причем в них содержатся сведения по состоянию на начало 1896 г. и по переписи 1897 г.¹¹⁷

¹¹³ Общий свод по империи результатов разработки данных первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., т. I. СПб., 1905, стр. 160—163; Населенные места Российской империи в 500 и более жителей. СПб., 1905.

¹¹⁴ В. И. Ленин, ПСС, т. 3, стр. 502.

¹¹⁵ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1, 2, 1916—1917 гг., т. I—III; ЦГИА СССР, ф. 433, оп. 1, д. 58, л. 1—4.

¹¹⁶ См. Л. И. Иванов, О сословно-классовой структуре городов капиталистической России. Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, стр. 323.

¹¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 11, д. 1—2826.

Сельскохозяйственная, поземельная и городская перепись 1917 г. специально учитывала как наличное, так и постоянное население городов, однако в условиях войны и нарастающего революционного движения она не могла охватить всей территории страны, не занятой неприятелем.¹¹⁸ Кроме того, эта перепись не регистрировала классового состава населения. Таким образом, переписи 1916—1917 гг. позволяют лишь анализировать изменения в численности и размещении населения городов России с 1897 по 1917 г.

Для определения численности отдельных социальных слоев и классов капиталистического города имеется много источников, дающих статистическую информацию, которые в сравнении с переписями населения имеют, конечно, секундарное значение, это — фонды фабричных инспекторов, разные ревизии торгово-промышленных предприятий и ремесла, списки недвижимых имуществ и избирателей в городские самоуправления, списки студентов и преподавателей различных высших учебных заведений, адресные книги, нотариальные акты, списки членов торговых организаций (гильдий, биржевых комитетов) и т. д.

В наших центральных архивах сохранились богатые ревизские, церковные, административно-полицейские источники и материалы переписей 1897, 1916—1917 гг., позволяющие изучать изменения в численности и частично в составе населения России за XVIII — начало XX в. Лишь за XIX — начало XX в. они в значительной мере опубликованы начиная с 1811 г. Однако при публикации основное внимание обращалось на данные общей численности населения городов, социальный состав фиксировался лишь в отдельных случаях. Особое значение имеют материалы о численности и составе населения городов XVIII в., так как в научном обороте за этот период имеются заниженные данные о численности городского податного населения, а общая численность определялась лишь косвенным путем. Сохранившиеся в архивах материалы позволяют не только исследовать XVIII в., по которому отсутствуют публикации, но и дополнить публикации XIX в., значительно уточнив их данные даже в отношении общей численности населения городов (например, по 1811 г.).

Методы учета населения городов в течение XVIII — начала XX в. претерпели большую эволюцию. В XVIII в. население городов определялось исключительно в ходе общих ревизий и лишь несколько дополнялось ведомственными и полицейскими данными о категориях, не охваченных ревизиями. Церковный учет также регистрировал население городов, однако данные его плохо сохранились. И ревизии и церковь учитывали приписное население городов и пригородов, т. е. все на время прибывавшие в города не принимались во внимание и продолжали значится там, где их застала последняя ревизия. Ревизии, кроме того, не отмечали движение населения в межревизский период, т. е. все родившиеся и умершие между ревизиями нигде не учитывались. Лишь в Петербурге и Москве в XVIII в. существовал регулярный полицейский учет наличного населения.

В течение XIX в. население городов учитывалось главным образом административным и полицейским исчислениями. До 40-х годов XIX в. местная полиция при определении численности населения городов, опиралась на данные ревизий. Она регистрировала в городах ревизское население как постоянное, так и «по паспортам» прибывавших в города на заработки. Необходимость регистрации временного населения была вызвана усилившимся с конца XVIII в. притоком населения в города. Впрочем, и в XIX в. отдельные полицейские исчисления регистрировали только постоянное население городов («коренных градских обывателей»). Попытки учета наличного населения городов в

¹¹⁸ Население городов Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917, 1920 и 1923 гг. «Бюллетень ЦСУ СССР», № 77, стр. 77 и далее; ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 3, л. 1—82. Кроме того, полные списки населенных мест по 6 губерниям России (Витебской, Владимирской, Вологодской, Калужской, Нижегородской, Ярославской), а также по ряду уездов Рязанской губернии, см. ЦГАОР СССР, ф. 4265, оп. 1, д. 1—6, 9—12, 15, 16, 19, 22, 25—27.

20-е годы XIX в. нельзя признать удачными. Кроме того, со второй четверти XIX в. земледельческое население большинства пригородов, входивших в «градскую между», перестало регистрироваться полицией в составе населения городов.

С начала 40-х годов XIX в. местная полиция учитывала наличное население городов, исходя из данных церкви о естественном движении населения и полицейских сведений о его механических перемещениях. Контрольным материалом для полиции служили сначала ревизии (IX и X), а затем сплошные полицейские исчисления (1858, 1863 и 1884—1885 гг.¹¹⁹), локальные переписи 60—90-х годов XIX в. и всеобщая перепись 1897 г. Таким путем население исчислялось вплоть до 1917 г.

Особняком стоят данные церковного учета 1857—1858 гг., так как он рассматривал, как и ревизии, постоянное население приходов и включал в состав населения городов всех жителей земледельческих пригородов. Таким же образом учитывалось постоянное население и по переписям 1897 и 1917 гг.

Историкам и статистикам, занимающимся историей городов России, крайне важно учитывать указанные выше три основных изменения методов учета населения (ревизский, полицейский до 40-х годов XIX в. и полицейский после 40-х годов XIX в.) и особенно второго этапа, характеризующегося переходом от ревизского учета населения городов с 1719 по 1795 г., а также сделать данные ревизий и полицейских исчислений хотя бы примерно сопоставимыми. Для этого необходимо привлечь полицейские материалы только о численности постоянного населения, а также, используя списки населенных мест, исключить из ревизских данных сведения о населении пригородов или присоединить их к результатам полицейских исчислений 20—90-х годов XIX в. Кроме того, представляется возможным сравнить ревизии с церковными данными 1857—1858 гг. и результатами переписей 1897 и 1917 гг. По всей вероятности, необходимо проделать и ту и другую работу и выяснить изменения в численности и составе как городского земледельческого населения, так и всего населения городов с пригородами. Настоящий обзор свидетельствует о том, что перед советскими учеными-городовиками стоит ответственной задачей предварительного критического анализа используемых источников.

¹¹⁹ По этим исчислениям местная городская и земская полиция регистрировала все наличное население по кварталам и станам.

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
25/II 1974

V. KABUZAN, R. PULLAT

VENEMAA LINNARAHVASTIKU ARVU JA STRUKTUURI KONTA OLEMASOLEVAD STATISTILISED ALLIKAD (1719—1917)

Resüme

Artiklis sedastatakse, et Venemaa linnarahvastiku ajalugu XVIII sajandist kuni käesoleva sajandi alguseni ei ole veel vajalikult uuritud ega kaugeltki kõiki arvesse-tulevaid allikmaterjale ära kasutatud. Meenutatakse, et XVIII sajandil registreeriti lin-narahvastikku peamiselt hingeloenduste kaudu ja kirikuraamatutes, et politsei alustas rahvastiku arvelevõtmist alles XIX sajandi algul ja et esimene ülevenemaaline rahva-loendus korraldati 1897. aastal, ning antakse ülevaade NSV Liidu arhiivides leiduvatest peamistest sellealastest statistilistest allikmaterjalidest. Peatutakse ka Venemaa linna-rahvastiku loenduse evolutsioonil. Autorid näitavad, et senine linnarahvastiku arvu ana-lüüs pole andnud küllalt täpseid tulemusi, kuna pole arvestatud kõiki olemasolevaid alli-kaid, ja rõhutavad vajadust tugineda Venemaa linnarahvastiku uurimisel kõigile selle-alastele materjalidele, alustades hingeloenduste ja lõpetades rahvaloenduste tulemustega.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut*

Toimetusse saabunud
25. II 1974

V. KABUZAN, R. PULLAT

**EXTANT STATISTICAL DATA ON THE NUMBER AND STRUCTURE
OF THE URBAN POPULATION OF RUSSIA (1719—1917)***Summary*

It is stated by the authors that the history of the Russian population covering the period from the 18th to the beginning of the 19th century has not been sufficiently studied, as yet; all the extant sources have not been sufficiently considered, either. It is pointed out that in the 18th century the urban population was mainly registered by means of records of "souls" and church registers. The police started to register the population as late as the beginning of the 19th century, whereas the first all-Russian census took place in 1897. Further, a survey of the principal statistical source materials contained in the archives of the USSR is presented. The evolution of the recording of the Russian urban population is discussed at greater length. The authors prove that the analysis of the number of the urban population effected hitherto is not precise enough, since it has not taken due account of all the sources at hand. The necessity is stressed to base all future studies of the Russian population upon all possible materials, beginning with "soul"-records and ending with actual census data.

*Academy of Sciences of the Estonian SSR,
Institute of History*

Received
Feb. 25, 1974